

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1

НА ПРИСУТСТВИЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССИИ: ОДЫ 1780 ГОДА И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)

На материале малоизученных произведений в честь Екатерины II рассматриваются особенности культурной политики российской императрицы на белорусских землях. Прокомментированы и проанализированы оды и хвалебные речи, написанные в 1780 году на французском языке анонимными клириками и церковными иерархами католических (св. Доминика) и униатских (св. Василия Великого) орденов по случаю прибытия Екатерины II в Полоцк. Также для сопоставления привлечена малоизвестная ода Г.Р. Державина «На отсутствие Ея Величества в Белоруссию». Выявлены функции обращения к французскому и другим языкам в панегириках Екатерине II, специфика образности (топосов) в описании государыни. Рассмотрена переписка императрицы с Вольтером и Ф.М. Гриммом по вопросам культурной политики и просвещения и сделаны выводы о причинах ее благосклонности к Обществу Иисуса и пренебрежительного отношения к деятельности других церковных орденов.

Введение. Визит Екатерины II в мае 1780 года в приобретенные после первого раздела Речи Посполитой земли, Полоцкое и Могилевское наместничества, с целью встретиться в Могилеве с австрийским императором Иосифом II и, возможно, подготовить так называемый «греческий проект», подробно, по дням описан в исторической литературе [1]. Опубликованы и письма императрицы к ее постоянному зарубежному корреспонденту барону Фридриху Мельхиору Гримму, в которых она излагает обстоятельства пребывания в Белоруссии (так она сама именует эти провинции – «la Russie Blanche», и мы в пределах данного исследования будем придерживаться этого топонима) и свои впечатления от него [2, с. 179 – 182]. Нас же будут интересовать несколько сопутствовавших этому событию литературных фактов – оды и хвалебных речей, поднесенных государыне во время ее пребывания в Полоцке. Само их появление вызвано в большей степени требованиями этикета, чем творческим порывом, однако на, казалось бы, «непроницаемом» фоне общих мест и клише, из которых сотканы эти тексты, проступают любопытные факты культурной жизни белорусских земель конца XVIII века. Помимо выражения верноподданнических чувств, панегирики, написанные учеными клириками орденов св. Доминика и св. Василия Великого, преследовали более важную для их авторов цель – обратить на себя внимание государыни и снискать ее расположение. Помещенные в один ряд, эти произведения предстают эпизодами скрытого соперничества за культурное влияние в ситуации, когда монаршая воля неизвестна и, кажется, может быть направлена в желаемом направлении.

Интересны панегирики Екатерине II и как отражение уровня образования и просвещения на белорусских землях, литературных притязаний их авторов и стоящих за ними церковных орденов. Объектом исследования не случайно выбраны произведения на французском языке. Как отмечал Я.К. Грот со ссылкой на библиографическое издание Г.Л.Х. Бакмейстера «Русская библиотека для познания современного состояния литературы в России» (Лейпциг – Рига, 1772 – 1789), «на пути, особенно в Белоруссии, императрицу беспрестанно приветствовали стихами, из которых после составилось целых семь печатных сборников на восьми языках: латинском, греческом, еврейском, немецком, французском, итальянском, польском и отчасти русском» [3, с. 96]. Современная библиография [4] зафиксировала лишь издания на латинском, французском и немецком языках (некоторые из них соединяют в себе тексты на двух или трех языках), сохранность которых до сего дня представляется знаковой. Прежде всего французский язык в XVIII веке был универсальным языком европейской культуры Просвещения, и всякий, кто обращался к нему в литературных трудах, мог претендовать на звание «вежественного» человека. Обращаться по-французски со стихами и хвалебными речами к Екатерине II значило быть почти наверняка услышанным, понятым и привеченным. Но так ли все обстояло на самом деле, и соответствовал ли создаваемый неизвестными клириками образ реальности? Совпадали ли чаяния священнослужителей с курсом культурной политики самой императрицы?

Образ Екатерины II в панегириках и хвалебных речах: «Минерва и Беллона» и «Сияющее Солнце». Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо понять, какой желают представить государыню неизвестные нам авторы. Используемые ими эпитеты и аллегорические уподобления совершен-

но традиционны для подносных стихотворений в ее честь, почти все образы заимствованы из античной мифологии. Так, автор «Оды, посвященной Ее Величеству императрице-самодержице всея Руси и проч. от всего ордена св. Доминика, на ее прибытие в Полоцк» («Ode dédiée a Sa Majesté l'Imperatrice souveraine de toutes les Russies etc. par tout l'ordre de Saint Dominique à son arrivée à Polock») называет Екатерину II наследницей Марса, делает акцент на ее военных достижениях, имея в виду прежде всего последние победы русской армии и флота – в войне 1768 – 1774 годов против Турции. Причину этих успехов автор видит в просвещенности военачальников:

C'est peu pour cette incomparable Déesse
D'élever des Vieux guerriers par ses largesses
Les fils, digne de commander, de défendre;
Les places justes & à ne jamais se rendre,
Quand ils ont acquis de parfaites lumières
Ils subjuguent des Nations, Royaumes entiers:
Sçavent s'assurer des Sanglantes Batailles,
Le gain : repoussent les ennemis des Murailles.
De la façon de ces Vieux & fideles guerriers
Vont tout à coup faire des Moissons de Laurier [5, p. 5]¹.

Для несравненной сей Богини мало
Воспитывать щедротами своими
Сынов отважных воинов, достойных
Повелевать и защищать твердыни
Надежные, и в полон не сдаваться;
Науки превзойдя, они сумеют
Народы подчинить и целы царства,
И в битвах победив, врагов кровавых
Отбросят прочь от наших рубежей.
Подобно прашурам, воителям отважным,
Вечнозеленые стяжают лавры.

В приведенных строках скрыто славословие одному из направлений культурной политики императрицы (фактически она продолжала начинание Петра I), нацеленному на формирование высоко образованной военной элиты, которая бы стала гарантом безопасности Российской Империи и обеспечила превосходство над другими державами. Эта мысль занимает в оде центральное положение. Государыня представлена одновременно и как воительница, «гроза морей» («la terreur des Mers»), и при этом – непременно – как покровительница искусств («la protectrice des Arts»); она воздвигает храмы как Марсу, так и Минерве, устраивает святилище муз («Elle eleve des Temples à Mars & à Minerve // Et à toutes les Muses, un sanctuaire») [5, p. 5].

С образом Екатерины II – служительницы Афины и муз – связаны также строки, развивающие тему ее просветительно-образовательной деятельности:

Pour leurs filles, Elle montre autant de graces;
Qui dans un asyle Sacré suivent les traces
De l'innocence, que la Fortune outrage
Dans le tems des moindres erreurs de l'âge [5, p. 5].

Их дочерям оказывает милость,
Тем, что во храме берегут невинность,
Которой нанесет урон фортуна
Ошибками неопытности юной.

Это четверостишие, непосредственно следующее за процитированными выше строками о воспитании молодых военачальников, прославляет еще одно начинание императрицы того же рода – открытие Смольного института благородных девиц. Подготовка образованного воина-мужчины и формирование добродетельной женщины, таким образом, представлены как единый, логичный и успешный проект. Неизвестный автор, говорящий от лица всего ордена доминиканцев, в определенной степени претендует на роль идеолога, вдохновленного божественными силами и способного обессмертить великие начинания государыни:

Toi par qui les mortels reçoivent des lauriers
Et qu'ici bas j'adore le très puissant Bouclier,
De ma verve bizarre dissipe la fureur,
Et soutiens en moi, que je chante les douceurs,
De CATHERINE Triomphante sur terre & sur l'onde [...]
L'idée que je me forme, n'est que trop hardie
Mais Apollon pour père repousse la folie
Inspire, enseigne à mépriser les dangers,
Et de mes vers éternisera la durée [5, p. 2, 3].

О ты, кто смертных увивает лавром
Чей мощный щит мне дорог в сей юдоли
Умерь пыл неумный вдохновенья
И поддержи, чтобы воспеть любезность
Екатерины, на земле и море – победоносной [...]
Мысль, что родил я, может быть, и дерзка,
Но Аполлон развеет безрассудство,
Зажжет, наставит презирать опасность,
И в вечность жизнь моих стихов продлит.

Однако невысокий уровень поэтического мастерства и, что гораздо важнее, несовершенное владение французским языком не позволяют говорить о соответствии анонимного автора смелым притязаниям. В оде доминиканцев встречаются и неточные рифмы («lumières» – «entiers», «Minerve» – «sanctuaire»), и грамматические ошибки, такие как неверное согласование времен («Quand ils ont acquis de parfaites lumières // Ils subjuguent des Nations, Royaumes entiers»), и просто опечатки, одно перечисление которых заняло бы слишком много места. Расстановка знаков препинания не соответствует правилам пунктуации и очень затрудняет чтение текста. Два последних недостатка можно объяснить тем, что ввиду отсутствия в то время типографии в Полоцке рукопись была передана в иной город, возможно даже за границу, в

¹ Орфография и пунктуация оригинала в этой и последующих стихотворных цитатах сохранена. – Д. К.

Речь Посполитую¹, и автор был не в состоянии непосредственно следить за процессом издания, в котором принимали участие наборщики, не владевшие французским языком. Но поэтические несовершенства нельзя полностью списать на привходящие обстоятельства.

Можно, конечно, предположить, что анонимный автор затрудняется в обращении с неоднократно обыгранными в стихотворениях в честь Екатерины II метафорами и аллегориями. Так, уподобляя императрицу яркому светилу, он не идет далее традиционного пафосного восклицания, закрепляющего клишированность образа, делая его абсолютно одномерным:

Mais quel Brillant Soleil vient me troubler la vue;
Qui m'inspire ? Les transpots d'une joye inconnue
Quel Augure ? que de gloire, quel prix pour moi
C'est CATHERINE que je vois, la paix avec Toi [5, p. 6].

Но что за Ясно солнце ослепляет мой взор;
Внушает неведанну радость и восторг,
Это знак доброй славы и честь для меня.
Мир с тобой. Екатерину приветствую я.

Ту же аллгорию в оде «На отсутствие Ея Величества в Белоруссию», созданной по тому же поводу, но в иной, минорной тональности, малоизвестный в 1780 году поэт Г.Р. Державин превращает в развернутый образ, стержневой для композиции и определяющий для эмоциональной окраски произведения. Екатерина II представлена как удалившееся из Петербурга светило, чье отсутствие вызывает в природе безмолвие и пустоту, а в народе – скорбь и страх от надвигающихся бедствий.

Муз богиня удалилась;
Из Петрополя сокрылась
Матерь от своих детей:
Солнцу красному подобно,
Счастье, кажется, народно,
Укатилось за ней.

Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у нас в сердцах.
Как среди глубокой ноши,
Дремлет тишина в лесах [...]

Если б ветры не дышали
И потоки не журчали,
Образ смерти зрится б нам [3, с. 96 – 97].

Следует заметить, что ода Державина была написана пусть и в иных обстоятельствах, чем те, в которых пребывали полоцкие доминиканцы, к тому же на другом языке, однако с той же прагматической целью. Не удовлетворившись публикацией в майском номере за 1780 год журнала «Санкт-петербургский вестник», который внимательно читали при дворе², будущий «певец Фелицы» переправил в Белоруссию к императрице свое творение, все равно оставшееся без высочайшего внимания [3, с. 96]. Державин вскоре подберет совпадающую с монаршим вкусом интонацию и, более того, найдет для русской оды «путь непротоптанный и новый» [8, с. 151], как писал его современник Е.И. Костров. Пока же в «Оде на отсутствие Ея Величества в Белоруссию» даже развернуто и стройно поданное поэтическое клише остается самим собой – общим местом. Франкоязычный панегирик доминиканцев в сопоставлении со стихотворением русского поэта представляется еще менее выразительным и в художественном, и в прагматическом аспекте.

Вернемся к мифологической античной образности – все же она преобладает как в сочинении доминиканцев, так и в одах на французском языке и латыни, составивших сборник под названием «Августейшему и священному Императорскому Величеству Екатерине II, Императрице Всея Руси и проч., по случаю ее счастливого прибытия в белорусские земли ода, в ее честь сочиненная учениками из Толочина под руководством священнослужителей ордена Св. Василия Великого» [9]. В заглавие вынесено указание на необычное авторство стихотворений: оно приписывается ученикам базилианской школы. Таким образом, в отличие от доминиканцев, униатские священники демонстрируют не литературные таланты, а плоды своей просветительской и учебной деятельности. Известно также, что после решения папы Бенедикта XIV о подготовке в виленском альюмнате базилианских священников уровень их образованности и качество преподавания в их школах повысились [10, с. 374]. Все эти факты вкпе должны были создать перед адресатом панегирических посланий образ успешных тружеников на ниве просвещения, явно выигрывающий на фоне молчания доминиканцев о своих заслугах и достижениях.

Это «преимущество» базилиан подкрепляется также владением сразу двумя языками, ведущим среди которых оказывается французский. Именно на нем написано вводное прозаическое посвящение,

¹ О случаях, когда в книгах, напечатанных в последней трети XVIII века на белорусских землях, указывалось ложное, «закордонное» место издания, пишет А.И. Мальдис [6, с. 136]. В данной ситуации это тем более вероятно, что Полоцк, как и Толочин (об издании толочинских базилиан речь пойдет далее, но все ранее сказанное относится и к нему), были пограничными с Речью Посполитой городами, и подобное предприятие было не слишком сложным.

² О круге подписчиков издания и публикациях в нем Г.Р. Державина см. [7, с. 199 – 203].

вводящее античную тематику и представляющее Екатерину II не просто наперсницей муз, а их покровительницей, перенесшей древнегреческий культурный уклад на российскую почву: «Мы приветствуем Ваше Императорское Величество на разных языках, поскольку именно в самой цветущей из всех Империй и в Ваше царствование, словно в золотом веке, *давно изгнанные из Греции музы, обретя обиталище и вновь восприняв свой былой блеск* (курсив наш – Д. К.), говорят на разных языках, из которых нет ни одного, коего бы Великая Екатерина, Покровительница и Мать наук, не разумела бы в совершенстве» [9, р. 6]. Оставим пока вопрос о том, насколько уместным выглядит лестное предположение базилиан о неординарных языковых способностях императрицы. Характерно другое: анонимный автор, рисуя портрет Екатерины II, возрождающей былое величие античной культуры и становящейся преемницей ее славы, подхватывает образность и тональность многочисленных российских поэтов 1770 – 1780-х годов, идеологически подготавливавших или прославлявших совместный «греческий проект» императрицы и Г.А. Потемкина [см. 11, с. 31 – 64]. Трудно судить о том, насколько осведомленными были толочинские униатские клирики о высочайших планах по созданию Восточной империи на территории Греции и Османской Порты и посажении на ее трон внука российской самодержицы Константина Павловича. Нужно лишь заметить, что «греческий проект» не был секретом для просвещенной публики, и написанные в его поддержку оды и поэмы широко распространялись и в рукописях, и в печати; кроме того, существует обоснованное предположение, что среди прочих политических проблем, обсуждавшихся на встрече Екатерины II с австрийским императором Иосифом II в Могилеве в 1780 году, был и «восточный вопрос» [11, с. 31]. Прогитированной выше фразой из посвящения открытые намеки на актуальные культурно-политические события и планы в текстах толочинских базилиан исчерпываются, но античная мифологическая образность, вполне традиционная, сохраняется.

Прибытие государыни в Белоруссию описывается как сошествие верховного существа на бrenную землю, при этом подчеркивается выгодное отличие визита российской императрицы от давно минувших явлений античных богов:

Jadis Dieux prirent plaisir de descendre des Cieux,
Pour visiter eux-mêmes ces bas terrestres lieux,
Et pour se faire voir aux yeux des mortels
En les comblant de faveurs ou de suplices cruels.
D'où venoit, que comme peu d'homme se virent en sureté,
Cette visite leur apporta peu de gaité ;
S'ayant à reprocher des crimes et des forfaits,
Ils craignirent plus de peines, qu'espérèrent des bien-faits.
C'est tout autre chose aujourd'hui, quand nous fideles sujets
Habitants de Russie Blanche, sentons de doux effets.
Du soin plus que maternelle de notre terrestre Déesse,
Qu'elle nous fait essayer sans nombre et sans cesse [9, p. 7].

Было время, боги любили спускаться с небес
Чтоб самим посетить все пределы земли,
Чтоб самим перед смертных очами предстать,
Милосердие им или казни неся.
Так, никто же не был безопасен от них,
Их на землю приход мало радости нес.
Люди знали проступки, злодеяния свои,
Они кары страшились, не ждали даров.
Все иначе сейчас, каждый верный холоп,
Житель Белой Руси, пьет от сладких забот,
Материнских превыше, Богини земной,
Что дает нам вкушать от щедрот без числа.

В дальнейшем в оде пространно описываются те многочисленные земные и духовные блага, которые дарует своим подданным Екатерина, называемая чаще всего матерью, но также «настоящей Минервой и Беллоной» («cette vraie Minerve et Bellone»)¹, «иной Юноной» («autre Junon») [9, р. 13] и Семирамидой («Semiramide») [9, р. 10]. Последнее имя обращает на себя особое внимание. Во-первых, оно пишется с ошибкой – то ли это калька с русского или польского языка (по-французски должно быть *Sémiramis*), то ли неудачная попытка зарифмовать предыдущую строку («Il nous seroit difficile de croire ce qu'on débite, / Qu'il y avoit eu au monde, une vraie Semiramide»). Во-вторых, и что гораздо важнее, открыто и всерьез сравнивать Екатерину II с ассирийской царицей в 1780 году уже мало кто осмеливался, можно лишь вспомнить, что несколько ранее (12 февраля 1774 года) Даламбер насмешливо вопрошал Вольтера: «Что Вы скажете о Семирамиде Като?» («Que dites-vous de *Sémiramis-Catau*?») [13, р. 207]. Но это было сказано в частной переписке. Сам фернейский патриарх удерживался от такого двусмысленного уподобления и в письмах к российской императрице, и тем более в хвалебных одах [14, р. 14; 15]. Слишком близкими и неблагоприятными для российской самодержицы оказывались исторические и литературные (с сюжетом трагедии «Семирамида» все того же Вольтера) параллели, которые высвечивали не столько цивилизаторские усилия обеих правительниц, сколько их кровавое восхождение на трон. Для подносного сочинения провинциальных священнослужителей образ был чересчур вызывающим.

Нужно отметить, что к 1780 году репутация базилиан в глазах Екатерины II и без того была испорчена демаршем епископа Хельмского Максимилиана Рыло, назначенного с ее согласия униатским архиепископом Полоцким, но так и не вступившим в свою должность. Получив почти в то же время сходное назначение в приход Пшемысля, находившегося тогда во владениях Священной Римской импе-

¹ Об образе Минервы в русской и французской литературах XVIII века и уподоблении ей российских самодержиц см. [12, с. 84 – 87].

рии, он выбрал последнее [16, р. 25 – 31]. Вызывающее решение Рыло отказаться от милостей российского престола в пользу австрийского скомпрометировало и оставшегося номинально при полоцкой кафедре архиепископа Ясона Смогожевского, но уже уехавшего в Польшу к новому месту служения. Именно его стараниями был составлен еще один сборник торжественных стихов на латыни в честь приезда Екатерины II, открывающийся похвальным словом государыне на французском языке. В нем Ясон Смогожевский избегает смелых сравнений своих толочинских собратьев и ограничивается нейтральными аллегорическими образами: «... Сколь сладостно и сколь лестно для греко-католического архиепископа Полоцка во главе своего белого и черного духовенства иметь возможность откликнуться на народные восклицания и освятить в Храме Памяти чувства чистейшей признательности и глубочайшего почтения, которыми он проникнут в отношении Бессмертной Императрицы Екатерины II, чей благодетельный и славный Скипетр должен сверкать в грядущих веках блеском, равным удивлению и уважению, которые он снискал сегодня¹» [17, р. 3]. Возвышенные славословия не были услышаны государыней: как свидетельствуют мемуары папского нунция Джованни Андреа Аркетти, сам Смогожевский по причине нездоровья не смог встретиться с Екатериной II во время ее пребывания в Полоцке, а его доверенному лицу, посланному вслед за императорской свитой в Могилев, было отказано в аудиенции [16, р. 31 – 32]. Но осмелимся предположить, что даже достигни они слуха императрицы, учитывая все ту же, что у доминиканцев и толочинских базилиан, выпендренную патетику и стандартный набор риторических клише, вряд ли помогли бы Полоцкому греко-католическому архиепископу добиться удачного для себя разрешения конфликтной ситуации и поправить репутацию ордена.

«Все прочие ордена по сравнению с ними...»: культурная деятельность церковных орденов в Белоруссии в оценке Екатерины II. Прямые оценки Екатерины II панегирикам и хвалебным речам доминиканцев и базилиан не зафиксированы. Существуют косвенные, которые говорят о реакции императрицы очень много. Так, описывая свои впечатления от посещения иезуитского коллегиума в Полоцке в письме Ф.М. Гримму от 20 (31) мая 1780 года, она бросает мимоходом: «Все прочие ордена по сравнению с ними (иезуитами – Д. К.) свиньи» («tous les autres ordres sont des cochons près d'eux») [2, с. 182]. Исчерпывающая характеристика. Неизвестно, проистекает ли она от неподобающего поведения доминиканцев и базилиан, например, от неуместных уподоблений или откровенной лести, что содержится в том числе и в их одах, от уже отмеченного плохого знания французского языка, изначальной, широко известной предвзятости государыни по отношению к монашеству или от всех факторов вместе. На наш взгляд, все они сыграли свою роль, но при этом есть и еще один существенный, до сих пор нами не отмеченный.

Различные источники свидетельствуют о подносных произведениях и торжественных речах, произнесенных иезуитами в Полоцке при посещении Екатериной II их коллегиума. Однако печатных изданий этих сочинений, вероятно, не сохранилось; по крайней мере, «Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке», их не зафиксировал, поэтому можно лишь догадываться об их характере. Но отношение к ним императрицы было существенно иным по сравнению с оценкой культурных усилий доминиканцев и базилиан. Так, государыня лишь слегка иронизировала по поводу желания иезуитов обращаться к ней на непонятных ей языках²: «Они наговорили мне всевозможных любезностей на всевозможных языках, кроме тех, что я разумею» [2, с. 182]. Откликаясь на это замечание своей августейшей корреспондентки, Гримм в письме от 8 (19) августа 1781 года просит сначала прислать ему «это любопытное произведение», чтобы «узнать [его] букет ... собственным носом», а затем удивляется: «Я бы пожелал посмотреть, как кто-нибудь из Риги, Нарвы или Гриммы осмелился бы написать похвалу Екатерине, и, что еще хуже, напечатать. Как бы хорошо он был принят! Как Царскосельский Юпитер в платье Амазонки вооружился бы своими перунами! Как бы он гремел! Как бы бранился! Но плутам из Белоруссии все позволено, все сходит с рук; Бог знает, какими именами они называли или не называли Императрицу...» [19, с. 222, 223].

Ответ на вопрос Гримма, звучащий между строк, – откуда такая благосклонность к иезуитам? – находится в другой переписке Екатерины II, с Вольтером. В одном из первых писем, от 22 августа (2 сентября) 1765 года, желая предстать перед фернейским патриархом верной последовательницей его идей, российская императрица подчеркивает: «...в сем государстве (в России – Д. К.) позволено отправление всех вер, кроме иезуитов, которые не терпимы» («... la tolérance est générale dans cet Empire; il n'y a que les jésuites qui n'y sont pas soufferts») [20, р. 44]. Однако достаточно скоро отношение Екатерины II к Обществу Иисуса меняется. 14 (25) июля 1769 года она пишет тому же корреспонденту: «Уж не знаю, в самом ли деле иезуиты участвовали во всех кознях своих собратьев; мне кажется, что я с ними (противниками иезуитов – Д. К.) в этом не соглашалась; и даже когда они были выдворены из Португалии, Испании и Франции, мне было жаль их по-человечески как людей несчастных, большая часть коих невиновна; упо-

¹ В оригинале – опечатка того же характера, что и в рассмотренных выше изданиях, вызванная неверным чтением рукописи: «отjourd'hui» вместо «aujourd'hui».

² Судя по косвенным упоминаниям в труде П. Пирлинга, имеется в виду латынь [18, р. 114, прим. 2].

следствии я говорила и повторяла всякому, кто хотел сие услышать, что если найдутся среди них те, кто пожелает жениться и обосноваться в России, то правительство со своей стороны должно им всяческое покровительство оказывать» [20, р. 87]. Это заявление тем более значительно, что, как показал А.Ф. Строев, Екатерина II во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов намеренно отправляла свои письма Вольтеру обычной почтой, рассчитывая на то, что они будут перехвачены и скопированы во Франции тайной канцелярией и таким образом станут средством идеологической борьбы с политическими противниками [14, р. 19]. Иными словами, частное замечание приобретает вес публичного заявления.

Воздержимся от напрашивающихся далеко идущих выводов, тем более что высказывание можно интерпретировать не только как раскрытие императрицей планов культурной политики, но и как предельное проявление просветительской толерантности. Ограничимся лишь констатацией хорошо известных фактов: наперекор папскому посланию 1773 года и желанию подчинявшихся верховной воле самих иезуитов, Екатерина II сохраняет орден в пределах Российской Империи [21, р. 239 – 254, 264 – 268], а после посещения Полоцка в 1780 году умножает свои благодеяния ему (открытие типографии в Полоцке, разрешение на прием иностранцев – бывших членов ордена). Сеть иезуитских коллегиумов и зависимых от них школ благодаря государственной поддержке хорошо функционирует и становится лучшей на белорусских землях. Результаты этой образовательной деятельности воплощаются также в литературных произведениях, посвященных высоким покровителям [22]. Большинство исследователей данного вопроса сходятся во мнении, что императрицу привлекали прагматизм преподобных отцов, разработанная ими четкая методика преподавания, стройная система образования. Так или иначе, положение Общества Иисуса в России за последние 15 лет правления Екатерины II настолько укрепляется, что даже после ее смерти, когда при дворе в 1797 году поднимается вопрос об упразднении в границах империи некоторых церковных орденов (в том числе Св. Доминика и Св. Василия Великого), архиепископ Могилевский С. Богуш-Сестренцевич, известный своим неоднозначным отношением к иезуитам, настаивает на их сохранении [23, с. 30].

Заключение. Рассмотренные нами франкоязычные оды с точки зрения истории литературы – явление весьма характерное для второй половины XVIII века, и в то же время вполне ординарное, если не сказать заурядное, в художественном отношении. Они приобретают особую ценность, будучи помещены в широкий историко-культурный контекст. В нем панегирики и хвалебные речи доминиканцев и базилиан в честь Екатерины II предстают оружием в борьбе за идеологическое влияние и монаршую благосклонность. И хотя, как было показано, исход этой борьбы был предрешен не в пользу этих орденов и за пределами литературного поприща, все же именно благодаря этим произведениям получают дополнительные объяснения меры екатерининской культурной политики и тенденции развития образования на новых западных землях Российской Империи. И главное, проанализированные поэтические и ораторские сочинения полоцких и толочинских священнослужителей знаменуют собой причастность далеких от столиц белорусских провинций к общеевропейской культурной и литературной тенденции своего времени – франкофонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дневная записка путешествия Императрицы Екатерины II в Могилев // Сборник русского исторического общества. Т. 1. – СПб., 1867. – С. 384 – 420.
2. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. – СПб., 1878. – 734 с.
3. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота / изд. Императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. – Т. 1: Стихотворения. – 812 с.
4. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701 – 1800. Т. 1 – 3 / АН СССР, Библиотека; ред. кол.: В.А. Филов [и др.]. – Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1984 – 1986.
5. Ode dédiée a Sa Majesté l'impératrice souveraine de toutes les Russies etc. par tout l'ordre de Saint Dominique à son arrivée à Polocque. – S.l., [1780]. – 8 p.
6. Мальдзіс, А.І. Кнігадрукаванне Беларусі ў XVIII стагоддзі / А.І. Мальдзіс // Книга, библиотечное дело и библиография в Белоруссии. – Минск, 1974. – С. 137 – 150.
7. Фафурин, Г.А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге / Г.А. Фафурин. – СПб.: Петерб. лингвистич. о-во, 2010. – 376 с.
8. Поэты XVIII века: в 2 т. – 2-е изд. – Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1972. – Т. 2: Поэты 1780 – 1790-х годов. – 592 с.
9. A la très auguste et sacrée Majesté Impériale de Catherine II, Impératrice de toutes les Russies, etc. à l'occasion de son heureuse arrivée dans les pays de Russie-Blanche ode dédiée par les écoliers de Tolocznyne sous legouvernement (!) de religieux de l'Ordre de St. Basile le Grand. – S.l., [1780]. – 25 p.

10. Латышонак, А. Беларускае Асьветніцтва / А. Латышонак // Нацыянальнасьць – Беларусь / А. Латышонак. – Беласток – Вільня: Ін-т беларусістыкі, Беларус. гіст. т-ва, 2009. – С. 372 – 379.
11. Зорин, А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
12. Строев, А. Женобязнь: образ русской женщины в культуре Просвещения / А. Строев // Семиотика страха: сб. ст.; сост. Н. Букс и Ф. Конт. – М.: Русский ин-т: изд-во «Европа», 2005. – С. 81 – 101.
13. Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 69. Lettres de M. de Voltaire et de M. d'Alembert. 1769 – 1778 / Voltaire; éd. Pierre Augustin Caron de Beaumarchais [et al.]. – [Kehl]: Impr. de la Société littéraire-typographique, 1784. – 424 p.
14. Stroeve, A. L'impératrice et le patriarche / A. Stroeve // Voltaire Catherine II. Correspondance 1763 – 1778 / texte présenté et annoté par A. Stroeve. – Paris: Non Lieu, 2006. – P. 7 – 29.
15. Долинин, А. Северная Семирамида. Примечание к докладу «Пушкин и Байрон: новые замечания к старой теме», прочитанному на Тыняновских чтениях 2006 года и, кажется, понравившемся Кириллу Юрьевичу Рогову / А. Долинин // Кириллица, или Небо в алмазах: сб. к 40-летию Кирилла Рогова [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/539839.html#T14>. – Дата доступа: 12.06.2011.
16. Les Jésuites de Russie (1783 – 1785). Un nonce du Pape à la cour de Catherine II. [Par le P.J. Gagarin] Mémoires d'Archetti. – Paris: V. Palmé, 1872. – 264 p.
17. In auspaticissimo adventu serenissimae, potentissimae, invictissimae, ac augustissimae Catharinae II. totius Rossiae imperatricis dominae dominae suae clementissimae Polocensi archi-episcopo plaudente ac prae eunte ad contestanda omnium in Alba Rossia Graeco-catholicorum gaudia monachi Basiliani Suae Majestatis imperio intra Albam Rossiam subditi encomiasticon D.D.D. – [Polociae (Polock)]: S. n., [1780]. – 33 p.
18. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques / P. Pierling. – Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1912. – Т. 5: Catherine II. Paul I. Alexandre I. – 496 p.
19. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 33. – СПб., 1881. – 561 с.
20. Voltaire Catherine II. Correspondance 1763 – 1778 / texte présenté et annoté par A. Stroeve. – Paris: Non Lieu, 2006. – 372 p.
21. Le P. Stanislas Zalenski de la Compagnie de Jésus. Les Jésuites de la Russie Blanche. T. 1 / le P.S. Zalenski; traduit du polonais par le P. Alexandre Vivier de la même Compagnie. – Paris: Letouzey et Ané, [1886]. – 476 p.
22. Кондаков, Д.А. Франкофония ордена иезуитов в Беларуси XVIII – XIX веков / Д.А. Кондаков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2011. – № 10. – С. 2 – 9.
23. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz, premier archevêque de toutes les églises catholiques en Russie. Première partie (1797 – 1798); éd. M. Godlewski et W. Kriksine // Старина и новизна. – 1913. – Книга 16. – 157 с.

Поступила 22.11.2011

ON HER MAJESTY'S PRESENCE IN BELORUSSIA: ODES DATED 1780 AND CATHERINE II POLITICS OF CULTURE

D. KONDAKOV

Peculiarities of Catherine II politics of culture are studied on the basis of little known works in Empress's honour. Odes and eulogies written in French in 1780 by anonymous clergymen and leading clerics of Catholic (st. Dominic) and Unian (st. Basil the Great) monastic orders on the occasion of Catherine II arrival at Polotsk are commented and analysed. Little known ode "On Her Majesty's absence in Belorussia" by G.R. Derzhavin is taken to comparison. Functions of French and other languages in these writings as well as peculiarities of their imagery are exposed. Catherine II correspondence with Voltaire and F.M. Grimm on her politics of culture and education is examined in order to explain Her Majesty's favour to the Jesus Society and disdain to the activity of other monastic orders.